
Пролог

БОЛЬШЕВИКИ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПЕТРОГРАДЕ

Для того чтобы понять, как эволюционировала партия большевиков в Петрограде в первый год Советской власти и какие факторы повлияли на становление авторитарной однопартийной политической системы, необходимо принять во внимание как результаты Февральской революции, свергнувшей царя, так и, даже в большей степени, характер и состав большевистской партии в 1917 г. и динамику Октябрьской революции, приведшей ее к власти.

Февральская революция 1917 г., выросшая из политической и экономической нестабильности, технологической отсталости и глубоких социальных противоречий довоенной России, усугубленных серьезными просчетами в управлении страной в военный период, чередой военных поражений, разладом экономики и небывалыми скандалами, окружавшими царскую семью, привела к созданию в России двух потенциальных правительств. Одно — это официально признанное Временное правительство, состоявшее вначале преимущественно из известных либералов, которых в апреле сменила не прочная коалиция из либералов (представленных, главным образом, конституционными демократами, или кадетами) и умеренных социалистов (из числа социал-демократической, или меньшевистской, партии и аграрной партии социалистов-революционеров, или эсеров). Второе правительство — Советское — изначально было представлено созданным в ходе Февральской революции Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и, с середины лета, Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК) Советов рабочих и солдатских депутатов и Центральным Исполнительным Комитетом Советов крестьянских депутатов. Созданные на

общероссийских съездах, представлявших охватившую всю страну сеть городских и сельских советов, эти национальные советские органы политически были сильнее, чем Временное правительство, — в силу того, что пользовались гораздо большей и непрерывно рас- тущей поддержкой рабочих, крестьян, солдат и матросов.

Находясь под контролем умеренных социалистов, высшие исполнительные органы Советов признавали законную власть Временного правительства и, с некоторыми оговорками, поддерживали его курс на отсрочку серьезных политических, экономических и социальных реформ и на созыв Учредительного собрания, в интересах сохранения партнерства с либералами. Участие либералов в правительстве, по их мнению, было необходимо для обеспечения безопасности и целостности России в условиях войны. Однако, по мере роста народного недовольства результатами Февральской революции весной и летом 1917 г., находившиеся под контролем умеренных социалистов советские органы начинают испытывать все более сильное давление со стороны революционных масс Петрограда, призывающих их взять власть в свои руки. События покажут, что высвободившиеся в ходе Февральской революции глубинные социальные силы уже невозможно было ни повернуть вспять, ни остановить, и что на их уровне Советы виделись как признак и, одновременно, двигатель социального прогресса.

Практически единственным среди главных политических деятелей России, кто инстинктивно чувствовал это, был основатель и глава партии большевиков Владимир Ильич Ленин. С самого начала мировой войны он был уверен, что она неизбежно приведет к социалистическим революциям во всех воюющих странах. В момент свержения царизма Ленин находился в Швейцарии. Вернувшись в начале апреля в Петроград, он призвал к немедленному осуществлению второй, «социалистической», революции в России. И хотя чуть позже, ознакомившись с ситуацией и преобладающими настроениями (идея немедленного революционного выступления не встретила активной поддержки даже среди большевистского руководства), Ленин отказался от нее как от первоочередной задачи, его исторически важной заслугой было то, что он ориентировал большевистскую партию на подготовку смешения Временного правительства левым «Советским» правительством, как только момент для этого назреет.

Однако, оценивая роль Ленина в Октябрьской революции, нельзя забывать, что большую часть времени в период с февраля по октябрь 1917 г. он провел за границей или в глубоком подполье, то есть вне регулярной и непосредственной связи с коллегами в России. Тем временем, в руководстве партии большевиков сложились три группировки. Левая, возглавляемая Лениным и Львом Троцким, объединила лидеров, для которых установление в России революционной Советской власти было не столько самоцелью, сколько толчком к мировой социалистической революции. В центре оказались лидеры, зачастую довольно разномыслящие, чьи взгляды на развитие русской революции были подвержены колебаниям, в зависимости от прочтения ими ситуации. И, наконец, на правом фланге сложилась весьма влиятельная группировка гораздо более умеренных партийных лидеров во главе с Львом Каменевым, в состав которой входили Григорий Зиновьев, Владимир Милутин, Алексей Рыков и Виктор Ногин (все — члены Центрального Комитета партии), а также Анатолий Луначарский. Численность и влияние последней значительно выросли после Шестого съезда РСДРП (б), состоявшегося в конце июля, когда к большевикам присоединились такие влиятельные представители левых меньшевиков, как Юрий Ларин, Соломон Лозовский и известный профсоюзный деятель, историк и теоретик марксизма и гуманист Давид Рязанов. Умеренные скептически относились к вероятности скорых и успешных социалистических революций на Западе. Во второй половине лета и осенью 1917 г. они рассматривали переход власти к Советам как средство сплочения всей левосоциалистических партий и групп для создания временного, исключительно социалистического коалиционного правительства, способного начать переговоры о мире и подготовить условия для проведения глубоких социальных реформ Учредительным собранием. В отсутствие Ленина, взгляды *именно* этой группировки определили в значительной мере публичную политическую платформу большевиков.

Следует также подчеркнуть, что события зачастую развивались так стремительно, что у ЦК большевиков просто не было возможностей советоваться с Лениным по всем вопросам, и он был вынужден принимать решения самостоятельно. Сверх того, и структурно подчиненные партийные органы часто оказывались в ситуации, когда

им приходилось реагировать на меняющиеся реалии без руководящих указаний сверху или даже вопреки им. Кроме того, в 1917 г. двери в партию были широко открыты, и РСДРП (б) превратилась в массовую партию. Но еще большее значение имело то, что программы и тактика большевиков в 1917 г. вырабатывались с учетом мнений и настроений рядовых членов партии и отражали, таким образом, чаяния народных масс.

Между тем, революция в массах — в среде фабричных рабочих, солдат, матросов и крестьян — имела свою собственную динамику, причем настолько сильную, что временами большевики следовали за своими потенциальными избирателями, а не наоборот. Например, 1 июля ЦК, под влиянием умеренных большевиков, принял и разослал региональным комитетам партии директиву с указанием начать самые энергичные приготовления к скорейшему проведению левого социалистического конгресса, направленного на объединение всех элементов демократии, включая профсоюзных лидеров и представителей интернационалистических фракций тех организаций, которые еще не успели порвать с «оборонцами» (таких, как левые эсеры и меньшевики-интернационалисты (1)). Одновременно региональным комитетам было поручено готовиться к выборам в Учредительное собрание (2). Однако всего два дня спустя радикальные элементы Петербургского комитета и Военной организации большевиков, отвечая чаяниям воинственно настроенных столичных масс, сыграли ключевую роль в организации неудачного Июльского восстания — против воли как умеренных большевиков, так и Ленина и его единомышленников.

* * *

Итогом Июльского восстания стало (во всяком случае, на первый взгляд) сокрушительное поражение большевиков. Даже большинство умеренных социалистов обернулось против них. Ленин был вынужден скрыться из столицы, многие большевики были арестованы, рост партии прекратился, а приготовления к левому социалистическому конгрессу были отложены на неопределенный срок. С другой стороны, яростные атаки на большевиков имели неожиданный эф-

фект: они способствовали дальнейшей радикализации и усилению левых фракций внутри умеренно-социалистического лагеря, таких как левые эсеры и меньшевики-интернационалисты. Это, в свою очередь, вновь пробудило стремление большинства ЦК (но не Ленина) к созданию единого левосоциалистического блока, и с этой целью в середине июля «интернационалисты» из других партий были приглашены участвовать, с совещательным голосом, в намеченном на конец месяца общенациональном съезде партии большевиков. На самом деле, на местах большевики, меньшевики-интернационалисты и левые эсеры и без того уже эффективно сотрудничали в таких низовых организациях, как районные Советы. Однако, в свете успеха тактики большевиков в ходе Октябрьской революции, возможно, самым важным итогом Июльского восстания стало то, что оно показало огромную привлекательность для народных масс революционной программы большевиков.

Что из себя представляла эта программа? Вопреки устоявшемуся мнению, в 1917 г. большевики не преследовали цель установления однопартийной диктатуры. Напротив, они стояли за демократическое «народовластие», осуществляемое — до момента созыва Учредительного собрания — однородно-социалистическим многопартийным советским правительством. Они также стояли за увеличение размеров крестьянских земельных наделов, усиление влияния рабочих на управление производством («рабочий контроль»), скончавшее улучшение продовольственной ситуации и, самое важное, немедленное заключение мира. Все эти цели были компактно изложены в лозунгах «Мира, земли и хлеба!», «Вся власть Советам!» и «Немедленный созыв Учредительного собрания!».

Взаимосвязь и политическая значимость двух этих ключевых факторов: привлекательности для масс большевистской политической платформы и налаженных связей партии с революционными рабочими, солдатами и матросами, — стали очевидны осенью 1917 г., после того как левым удалось быстро подавить попытку путча правых сил во главе с главнокомандующим русской армией генералом Лавром Корниловым. Поход корниловских войск на Петроград был остановлен совместными усилиями всех социалистических сил, действовавшими под эгидой Советов. Однако своей победой левые во многом были обязаны именно большевикам и их

способности быстро мобилизовать фабричных рабочих, солдат Петроградского гарнизона и моряков Балтийского флота на защиту революции. Стремительный разгром корниловского мятежа, таким образом, имел двойной эффект: усилил авторитет большевиков в народных массах и стал мощным стимулом для объединения всех социалистических групп, разделявших умеренную большевистскую позицию, во имя достижения заложенных в партийной платформе революционных целей.

1 сентября Петроградский Совет принял, по предложению Каменева, резолюцию, призывающую отстранить буржуазию от власти и создать новое правительство, состоящее исключительно из представителей социалистических партий. И хотя резолюция Каменева была воспринята как призыв к передаче власти Советам, сам он на этом не настаивал. На какое-то время и его, и других умеренных большевиков вполне удовлетворило бы коалиционное социалистическое правительство, включающее в себя представителей не только социалистических партий, но и таких «демократических» организаций (помимо Советов), как профсоюзы, земства, городские думы и кооперативы.

Обсуждение и принятие резолюции Каменева позволило большевикам установить эффективный контроль над Петроградским Советом, что значительно облегчило им приход к власти в октябре. Однако более непосредственные последствия этого решения Петроградского Совета оказались негативными: Центральные Исполнительные Комитеты Советов резолюцию отвергли. Идея исключительно социалистического правительства на базе Советов была отвергнута и состоявшимся 14–22 сентября в Петрограде Демократическим государственным совещанием — общенациональной конференцией «демократических» организаций, созданной специально для рассмотрения правительственного вопроса. В то же время, Демократическое совещание отразило существенный рост влияния внутри умеренно-социалистического лагеря левоменьшевистских и левосербовских групп, которые в основном поддерживали большевистскую программу, воплощенную в резолюции Петросовета от 1 сентября. Неспособность Демократического совещания реагировать на чаяния народных масс, требовавших немедленной замены правительства, заставила левых вновь сосредоточить внимание на Советах как третьем судье российской государственной политики.

Подтверждением этому чуть позже стало подавляющее большинство, набранное левыми эсерами, чья ближайшая политическая программа отныне совпадала с программой большевиков, на 7-ой городской конференции левых эсеров Петрограда. 21 сентября большевики и левые эсеры совместными усилиями призвали к скорейшему созыву второго всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, открытие которого, по настоянию делегатов Демократического совещания от Советов, было запланировано на 20 октября (позже перенесено на 25 октября). Нашедшая отражение в этом решении базовая установка на создание съездом Советов однородного социалистического правительства являлась определяющей в политической деятельности как большевиков, так и левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов в конце сентября — первой декаде октября.

* * *

В августе и сентябре Ленин прилагал максимум усилий, чтобы повлиять на политику большевиков из своего убежища в Финляндии. После неудачи Июльского восстания и той критики, которая обрушилась на большевиков за участие в нем со стороны умеренно-социалистического советского руководства, он целенаправленно, но не слишком успешно старался убедить партийных соратников отказаться от идеи передачи власти Советам и начать готовиться к самостоятельному вооруженному восстанию. Однако после разгрома корниловского мятежа даже он был настолько поражен той легкостью, с которой левым — большевикам, меньшевикам и эсерам — удалось совместными усилиями одержать победу, что в своей статье «О компромиссах», написанной в начале сентября, он предусмотрел возможность мирного развития революции при условии, что национальное руководство Советов без дальнейшего промедления возьмет власть в свои руки.

Ленинская умеренность, впрочем, длилась недолго. В середине сентября он вернулся к идеи вооруженного восстания как абсолютной необходимости для дальнейшего развития революции. Этому во многом способствовали такие факторы, как сильные позиции край-

них левых в Финляндии, обретение большевиками большинства в Петроградском и Московском Советах, нарастание борьбы крестьян за землю в деревне, продолжающийся развал воюющей армии и все более настойчивые требования мира со стороны солдат, а также признаки революционных волнений в германском флоте. Все это укрепило Ленина в уверенности, что захват власти большевиками будет иметь мощную поддержку в городах, что он не встретит сопротивления в провинции и на фронте, и, самое главное, что вооруженное восстание народа и создание подлинно революционного правительства в России послужат катализатором массовых революционных выступлений в других европейских странах. Руководствуясь, в первую очередь, этими обстоятельствами, как, впрочем, и некоторыми другими, Ленин в самом начале работы Демократического совещания (12 и 14 сентября) направил в ЦК два резких письма с требованием покинуть Совещание и, «не теряя ни минуты», начать подготовку к вооруженному восстанию (3).

Для лидеров партии, оставшихся в Петрограде, ленинские письма прозвучали как гром с ясного неба. Вечером 15 сентября, всего через несколько часов после их получения, ЦК большевиков собрался на экстренное заседание, на котором, помимо обычных участников из числа петроградского руководства, присутствовали и несколько членов ЦК, временно оказавшиеся в столице как делегаты Демократического совещания. Энтузиазма ни у кого из них ленинские воззвания не вызвали. Более того, члены большевистского руководства оказались более всего озабочены тем, как сохранить в тайне содержание ленинских писем. Не вняв указаниям Ленина, они, совместно с левыми эсерами и другими левыми группами, продолжили придерживаться взятого курса на создание однородного социалистического правительства на приближающемся съезде Советов. В то же время, с одобрения большинства большевистских делегатов Демократического совещания, ЦК принял решение о созыве 17 октября, накануне съезда Советов, чрезвычайного съезда партии (4). На обсуждение на нем должны были быть поставлены два вопроса: о тактике партии в связи с предстоящим съездом Советов и тесно связанный с ним вопрос о характере и структуре будущего правительства.

Ленин гневно отреагировал на отказ ЦК выполнять его указания. Сначала из Финляндии, а затем с нелегальной квартиры на се-

верной окраине Петрограда, куда он перебрался в конце сентября, Ленин направил руководству партии целый ряд писем, в которых острые критики действий ЦК сочетались с самыми категорическими требованиями немедленного свержения Временного правительства. Аргументировать свою позицию лично Ленин смог на историческом заседании Центрального Комитета 10 октября. На повестке был вопрос о пересмотре стратегии мирного перехода власти в руки многопартийных Советов — стратегии, ставшей основой беспримерного роста авторитета и влияния партии большевиков в революционных массах, начиная с апреля 1917 г. Кроме того, требовалось убедить партийное руководство в том, что сложившаяся ситуация является настолько критической, что решение этого вопроса нельзя откладывать до съезда партии, который должен был состояться всего через неделю и который, судя по внутрипартийным спорам во время Демократического совещания, наверняка воспротивился бы захвату власти до начала Второго съезда Советов. Из 21 члена ЦК на заседании 10 октября присутствовали только 12, что позволило склонить дискуссию в пользу ленинской точки зрения. В конечном итоге, 10 из 12 участников (кроме Каменева и Зиновьева) уступили Ленину и согласились поставить вопрос о вооруженном захвате власти «на очередь дня», тем самым предвосхитив намеченный на 17-ое съезд партии, который, в результате, так и не состоялся.

* * *

Несмотря на «зеленый свет», полученный установкой на вооруженное восстание, для ее осуществления за едва ли не три недели мало что было сделано. Причин тому было несколько. Во-первых, умеренные партийные лидеры во главе с неутомимым Каменевым продолжали упорно сопротивляться ленинской линии. Эти умеренные большевики (Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин, Рязанов и др.) и их выступления — частично из-за совпадения их взглядов со взглядами других левосоциалистических фракций, с которыми они продолжали контактировать, а также ожиданиями низов — пользовались в 1917 г. неизменно высоким авторитетом.

Другим фактором, препятствовавшим организации немедленного вооруженного восстания, была оппозиция таких членов ЦК, как Троцкий и радикально настроенные петроградские партийные лидеры, которые приветствовали идею скорой социалистической революции в России, но сомневались в возможности мобилизации рабочих и солдат для немедленной штыковой атаки, как того требовал Ленин. Тем не менее, несмотря на эти сомнения, петроградские большевики, следуя резолюции ЦК от 10 октября, серьезно изучили возможности для организации в короткие сроки вооруженного восстания в городе. Спустя несколько дней, однако, многие из них были вынуждены признать, что партия технически не готова начать восстание и что, в любом случае, большинство рабочих, солдат и матросов вряд ли будет готово выступить до начала съезда Советов. Кроме того, полагали они, узурпируя прерогативы всероссийского съезда Советов, они ставили под удар возможное сотрудничество с такими важными союзниками, как левые эсеры и меньшевики-интернационалисты, а также рисковали лишиться поддержки массовых организаций, таких как профсоюзы, фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы) и Петросовет. И самое опасное, возрастал риск оппозиции со стороны войск проходившего поблизости Северного фронта.

Впоследствии большевистское руководство в Петрограде (и ленинцы, и каменевцы), пусть и с существенными колебаниями, вызванными в основном настойчивыми призывами Ленина к более смелым и решительным действиям, придерживалось стратегии, основанной на следующих принципах: 1) для свержения Временного правительства должны быть использованы Советы (из-за их авторитета в глазах масс), а не партийные органы; 2) чтобы добиться максимальной поддержки, любая атака на правительство не должна выходить за рамки действий, которые могут быть оправданы необходимостью защиты Советов; 3) открытое выступление должно последовать, лишь когда для него представится подходящий предлог; 4) для пресечения возможного сопротивления и увеличения шансов на успех необходимо использовать любую возможность подрыва авторитета Временного правительства мирным путем; и 5) официально отстранение от власти Временного правительства должно быть связано с открытием Второго Всероссийского съезда

Советов и узаконено им. Ленин, в свою очередь, считал «полным идиотизмом» терять время в ожидании съезда Советов (5). Однако, учитывая достигнутый уровень развития революции и взгляды большинства региональных большевистских лидеров, эта стратегия предстает как естественная и реалистическая реакция на сложившееся соотношение сил и настроений.

В период между 21 и 24 октября большевистские лидеры всячески противились немедленному открытому революционному выступлению, как того требовал Ленин, отдавая предпочтение подготовке к решающей схватке с Временным правительством на предстоящем съезде Советов. В партийной печати и на многочисленных собраниях они громили политику Временного правительства и набирали народные голоса в поддержку отстранения Временного правительства съездом Советов. В это же время, используя в качестве оправдания заявленное Временным правительством намерение отправить значительную часть войск Петроградского гарнизона на фронт и мотивируя свои действия необходимостью защиты от контрреволюции, большевистское руководство силами Военно-революционного комитета (ВРК) при Петроградском Совете (созданного 9 октября для проверки правительенного приказа о выводе войск и находившегося преимущественно под влиянием большевиков) взяло под свой контроль большинство базировавшихся в Петрограде воинских частей. Оружие и боеприпасы из главных городских арсеналов раздавались сторонникам. И, хотя ВРК не перешел грани между оборонительными действиями и мерами, которые можно было счесть посягательством на прерогативы съезда, Временное правительство оказалось разоружено по практическим соображениям, причем без единого выстрела.

В ответ ранним утром 24 октября, за день до открытия Второго Всероссийского съезда Советов, большинство которого приготовилось голосовать за создание однородно-социалистического советского правительства, Керенский сделал попытку приструнить левых. Были выданы ордера на повторный арест большевистских лидеров, которые уже арестовывались после Июльского восстания, но во время корниловского мятежа были освобождены; преданные Временному правительству отряды юнкеров и ударные батальоны, дислоцированные в пригородах, были вызваны в Зимний дворец — место

заседаний Временного правительства; был закрыт главный печатный орган большевиков — газета «Рабочий путь». Впрочем, революционные войска вскоре освободили типографию, где издавался «Путь». Кроме того, революционные силы отразили попытки юнкеров захватить стратегически важные мосты через Неву и взяли под свой контроль главные городские объекты связи и железнодорожного сообщения. Все это было сделано во имя и в рамках обороны революции. То, к чему Ленин призывал целый месяц, — односторонняя попытка свергнуть Временное правительство, — началось лишь тогда, когда Ленин лично прибыл в штаб большевистского руководства в Смольном. Это произошло перед рассветом 25 октября. С этого момента все попытки представить дело так, что ВРК просто защищает революцию и делает все возможное, чтобы сохранить статус-кво до открытия съезда Советов, были отброшены. Дан был старт открытым, решительным действиям, направленным на то, чтобы поставить делегатов съезда Советов перед фактом свержения Временного правительства *до того*, как съезд начнет свою работу.

Утром 25 октября вооруженные отряды ВРК захватили стратегически важные мосты, главные правительственные здания, вокзалы, электростанции и другие еще не занятые ими объекты. Они также окружили и взяли в осаду Зимний дворец, обороняемый лишь немногочисленными, деморализованными и постоянно убывающими юнкерскими силами. Керенскому удалось ускользнуть из дворца и бежать на фронт, чтобы привести войска в столицу, пока кольцо не замкнулось. «Штурм Зимнего дворца», столь драматически показанный в классическом фильме Сергея Эйзенштейна «Октябрь», был советским мифом. С наступлением ночи историческое здание подверглось короткому обстрелу из пушек Петропавловской крепости, а затем без особого труда захвачено. Остававшиеся в нем члены Временного правительства были арестованы. За несколько часов до этого написанное Лениным взвывание, объявляющее Временное правительство низложенным, было разослано телеграфом по всей стране.

Сегодня очевидно, что главная цель, которую преследовал Ленин, настаивая на свержении Временного правительства до открытия съезда Советов, состояла в том, чтобы исключить любую возможность формирования на съезде социалистической коалиции,

в которой умеренные социалисты играли бы значительную роль. Этот расчет оказался верен. Накануне открытия съезда, еще до начала открытых вооруженных действий, завершившихся взятием Зимнего дворца, партийная принадлежность прибывающих делегатов и их позиции по правительльному вопросу почти не оставляли сомнений в том, что усилия по созданию многопартийного социалистического правительства, обещающего претворить в жизнь программу мира и фундаментальных реформ, окажутся плодотворными (6).

Это необходимо учитывать, чтобы до конца понять всю важность свержения большевиками Временного правительства до открытия съезда Советов. Огромное политическое значение этого акта стало очевидно немедленно, как только Второй Всероссийский съезд Советов начал свою работу. Меньшевики и эсеры, в знак протesta, отказались от участия в президиуме съезда. Не успел преимущественно большевистский президиум во главе с Каменевым занять свои места, освобожденные старым, умеренно-социалистическим, советским руководством, и объявить, что в повестке дня первым стоит вопрос о правительстве, как на трибуну для внеочередного заявления поспешил подняться Юлий Мартов — лидер меньшевиков-интернационалистов и пылкий сторонник смены правительства. Голосом, срывающимся от волнения и хриплым от убивавшего его туберкулеза, под пугающий грохот близкой канонады, Мартов умолял делегатов остановить войну, развернувшуюся на улицах, и немедленно организовать переговоры между всеми социалистическими партиями с целью формирования «демократического» правительства, которое устраивало бы все стороны (7).

Учитывая, что большинство делегатов съезда: меньшевики-интернационалисты, левые эсеры, большинство большевиков и даже, пусть и с колебаниями, многие меньшевики и эсеры центристы, — горячо поддерживали идею внутрисоциалистического сотрудничества, нет ничего удивительного в том, что призыв Мартова был встречен дружными аплодисментами. Представители объединенных социал-демократов интернационалистов (8) и левых эсеров немедленно выразили свою солидарность с ним. От большевиков то же сделал Луначарский. Судя по сохранившимся свидетельствам, предложение Мартова, поставленное на голосование, было принято единогласно.

На какой-то момент показалось, что съезд еще можно вернуть на путь создания общесоциалистического коалиционного правительства (9).

Однако этому не суждено было сбыться. Прежде чем съезд успел предпринять хоть какие-то шаги в соответствии с единодушно одобренной резолюцией Мартова, ряд меньшевиков и эсеров обрушились с резкой критикой на большевиков, обвинив их в узурпаторстве, и заявили, что покидают съезд, чтобы идти сражаться с ними. Дух сотрудничества, воцарившийся было в рядах социалистов накануне съезда, испарился без следа, и первое заседание быстро обернулось словесной перепалкой, во время которой большинство присутствовавших в зале меньшевиков и эсеров покинули его, чтобы помочь организовать сопротивление военным действиям большевиков (10).

Вскоре после того Мартов предпринял последнюю безнадежную попытку вернуть оставшихся делегатов к реализации его предложения. Однако к этому времени атмосфера на съезде настолько раскалилась, что его слова просто потонули в общем шуме. Если раньше преобладавшее настроение было в пользу умеренных большевиков, настроенных на соглашение с другими социалистическими группами, то теперь все было наоборот. Изменившейся ситуацией не преминул воспользоваться Троцкий, чтобы глубже вбить клин между большевиками и умеренными социалистами. Левый меньшевик и непревзойденный летописец революции Николай Суханов вспоминал, как Троцкий неистовствовал: «Восстание народных масс не нуждается в оправдании... Отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории», на что Мартов отвечал: «Тогда мы уходим!» (11).

Выпроводив Мартова, Троцкий внес на рассмотрение съезда проект резолюции, одобрявшей большевистское восстание и клеймившей меньшевиков и эсеров как прислужников буржуазии (12). Много лет спустя известный историк Борис Nikolaevский, который тогда, в числе других меньшевиков, покинул съезд вместе с Мартовым, вспоминал, что Мартов вышел молча, не оглядываясь. Молодой рабочий-большевик в черной рубашке, перехваченной на поясе ремнем, повернулся к нему и с нескрываемой горечью воскликнул: «А мы меж собой думали: кто-кто, а Мартов останется с нами». Его

слова задели Мартова. На мгновение он остановился, тряхнул головой в характерной манере и, похоже, хотел что-то возразить. Однако передумал и уже в дверях пробормотал: «Когда-нибудь вы поймете, в каком преступлении вы участвуете» (13).

Между тем, вступительное заседание съезда, то и дело прерываемое восторженными сообщениями с улиц об очередных революционных успехах, затягивалось. Выступивший от левых эсеров Борис Камков призвал делегатов не голосовать за такую резкую резолюцию, как та, что предложена Троцким. По его мнению, поддержка со стороны умеренных элементов демократии и особенно крестьянства, в среде которого у большевиков слабая опора, жизненно важна для успеха борьбы против контрреволюции. «В целях создания единого революционного фронта необходимо организовать демократическую власть в самом широком масштабе», — заявил он (14).

Около трех часов ночи было объявлено, что революционные силы под командованием ВРК захватили Зимний дворец и арестовали собравшихся там министров Временного правительства. После этого меньшевик-интернационалист Наум Капелинский вернулся в зал и сделал последнюю безуспешную попытку призвать делегатов к поиску мирных путей выхода из кризиса. Лучшее, что мог сделать в этой ситуации Каменев, это тихонько отложить в сторону взрывоопасную резолюцию Троцкого с обвинениями в адрес меньшевиков и эсеров, тем самым оставив открытой возможность сотрудничества в будущем. Очень скоро внимание съезда переключилось на манифест, написанный Лениным, «Ко всем рабочим, солдатам и крестьянам», официально поддержавший восстание в Петрограде и провозгласивший переход верховной политической власти в России в руки съезда и местных Советов. В «Манифесте» также было обещано, что Советская власть немедленно выступит с предложением мира воюющим странам, обеспечит передачу земли крестьянам, гарантирует защиту прав солдат и осуществление программы полной демократизации армии, организует рабочий контроль в промышленности, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, наладит поставки хлеба в города и промышленных товаров в деревню и предоставит право самоопределения всем народам России. Принятием

этого «Манифеста» в 5 часов утра 26 октября историческое первое заседание Второго Всероссийского съезда Советов завершилось. В истории России началась советская эпоха.

* * *

Октябрьскую революцию в Петрограде часто рассматривают как блестяще организованный военный *coup d'etat*, не имевший опоры в народных массах и осуществленный тесно сплоченной группой профессиональных революционеров под блистательным руководством фанатичного Ленина на германские деньги. Эта трактовка, развенчанная западной «ревизионистской» школой социальной истории в 1970–80-е годы, обрела второе дыхание после распуска Советского Союза, несмотря на тот факт, что данные из рассекреченных в годы горбачевской гласности советских архивов подтвердили догадки и выводы «ревизионистов». Со своей стороны, советские историки, связанные жесткими идеологическими канонами, призванными легитимизировать советское государство и его руководство, почти 80 лет изображали Октябрьскую революцию как подлинно народное восстание революционных российских масс. Согласно их точке зрения, этот социальный сдвиг был вызван особенностями исторического развития царской России и обусловлен универсальными законами истории, открытыми Карлом Марксом и получившими развитие в работах Ленина.

На самом деле, Октябрьская революция в Петрограде не может быть в полной мере охарактеризована ни как военный переворот, ни как народное восстание, хотя, как мы видели, она и содержала в себе элементы того и другого. Корни ее следует искать как в особенностях политического, экономического и социального развития дореволюционной России, так и в кризисах, вызванных участием России в Первой мировой войне. На одном уровне, это было кульмиационное событие в затянувшейся политической борьбе между широким спектром левосоциалистических групп, опиравшихся на поддержку огромного большинства петроградских рабочих, солдат и матросов, не удовлетворенных итогами Февральской революции, — с одной стороны, и все более изолированным альянсом либералов и умеренных социалистов, который в период между февралем и октябрем

1917 г. контролировал Временное правительство и центральные руководящие органы Советов — с другой. К моменту открытия Второго Всероссийского съезда Советов 25 октября относительно мирная победа первых была практически гарантирована. На другом уровне, Октябрьская революция была борьбой (поначалу преимущественно внутри большевистского руководства) между сторонниками многопартийного, полностью социалистического правительства, которое подведет Россию к Учредительному собранию, где социалисты будут иметь решающий голос, и ленинистами, отдававшими абсолютное предпочтение насильтвенным революционным действиям как средству наставления России на самостоятельный, ультраподрывательский революционный путь, который спровоцирует решающие социалистические революции за рубежом.

То и дело приглушаемый на протяжении большей части 1917 года, этот конфликт вспыхнул с особой силой в период подготовки Октябрьской революции и сразу после нее. Такие события, как свержение большевиками Временного правительства накануне Второго Всероссийского съезда Советов, уход со съезда меньшевиков и эсеров и, как мы увидим дальше, их несговорчивость во время переговоров о создании коалиционного социалистического правительства после съезда плюс первые военные победы большевиков над сторонниками Временного правительства, свели на нет все усилия умеренных большевиков разделить государственную власть с социалистами и, в конечном счете, способствовали установлению советской формы авторитаризма. Ставка Ленина на мировую революцию вышла на первый план. Однако эти итоги не должны заслонять от нас тот факт, что Октябрьская революция в Петрограде была, в значительной мере, закономерным проявлением всеобщего разочарования результатами Февральской революции и стремления народа к лучшему, светлому и справедливому, будущему.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Левые эсеры, главно с радикально крыло партии социалистов-революционеров, выступали против войны и коалиции с либералами и призывали к созданию исключительно-социалистического коалиционного правительства под эгидой Советов. Меньшевики-интернационалисты во главе с Юлием Мартовым были аналогичной левой фракцией внутри

меньшевистской партии Мартов и его единомышленники-меньшевики требовали немедленного заключения мира, без аннексий и контрибуций. Весной 1917 г. они выступили против участия социалистов во временном правительстве, а позже отстаивали необходимость создания полностью социалистического правительства. Фракции левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов были особенно сильны в петроградских организациях своих партий.

2 РГАСПИ Ф 60 Оп 1 Д 26 Л 4, 4об

3 *Ленин В И Полное собрание сочинений* 5-е изд Т 34 — М., 1962 С 239–247

4 РГАСПИ Ф 17 Оп 1 Д 81 Л 1, Переписка секретариата ЦК РСДРП(б)-РКП(б) с местными партийными организациями Т 1 — М., 1957 С 52–53

5 *Ленин В И Полное собрание сочинений* Т 34 С 281

6 Согласно предварительным данным мандатной комиссии, из 670 делегатов съезда 300 были большевиками, 193 — эсерами (из них более половины — левыми), 68 — меньшевиками, 16 — объединенными социал-демократами интернационалистами, 14 — меньшевиками-интернационалистами, а остальные либо принадлежали к числу более мелких политических образований, либо вовсе были беспартийными. Подавляющее большинство делегатов — примерно 505 из 670 — поддерживали лозунг «Вся власть Советам», то есть выступали за создание советского правительства, состав которого отражал бы расстановку сил на съезде — Второй Всероссийский съезд Советов республики Под председательством М. Н. Покровского и Я. А. Яковлевой — М.-Л., 1928 С 144–153

7 Второй Всероссийский съезд Советов республики С 4, 34

8 Партия объединенных социал-демократов интернационалистов была образована в середине октября 1917 г. группой левых меньшевиков, некоторых из которых были связаны с газетой Максима Горького «Новая жизнь»

9 Второй Всероссийский съезд Советов республики С 4, 35

10 Там же С 4–7, 35–38

11 Суханов Н.Н. *Записки о революции* — М., 1992 Т 3 С 337

12 Второй Всероссийский съезд Советов республики С 7–8, 42–44

13 Николаевский Б.И. Страницы прошлого К 80-летию Л.О. Цдербаум-Дан //Социалистический вестник 1958 №7–8 С 150

14 Второй Всероссийский съезд Советов республики С 8–9, 45